

— Даже если я в этом силен, вас двоих мне не провести, — Се Жэнь продолжал загораживать собой Фэн Цяньсюэ. — Одно стихотворение за четырех человек — как после этого обители Фэйсянь зарабатывать?

— Не стоит беспокоиться, у моего отца, кажется, есть кое-какие связи с хозяином обители Фэйсянь, так что подняться на корабль будет несложно, — сказал Ли Хуань. — Если Мо Чи тоже хочет подняться, я прямо сейчас отправлю деревянную птицу спросить.

— Отлично! Если успеваем по времени, пойдем смотреть на веселье вчетвером, — Мо Чи раздал сбитые плоды остальным троим. В обычное время он больше всего любил подбирать мелкие камешки и сбивать ими листья или птиц. Даже без магии он бил без промаха; бедное облысевшее дерево на заднем дворе академии Чанцэ появилось как раз благодаря этой его привычке.

Се Жэнь укусил фрукт со весьма смешанными чувствами. «Знай я заранее, что у тебя такие покровители, не стал бы предлагать сочинять какие-то стихи. А теперь хорошенькое дело: если за стихотворение „Экая огромная ладья“ не удастся получить два места... Впрочем, будем реалистами: не „если не удастся“, а совершенно точно не удастся. И когда эти двое благодаря связям радостно взойдут на борт, а он сам и Фэн Цяньсюэ останутся внизу, невозможность посмотреть представление — это еще полбеды, но вот от авторитета молодца из клана Фэн из города Иньюэ не останется и следа».

Фэн Цяньсюэ спросил в недоумении:

— Почему ты на меня смотришь?

— Я на тебя не смотрю, — ответил Се Жэнь. — Я просто хотел спросить: когда мы прибудем во дворец Луаньюй, кого нам искать?

Хотя академия Чанцэ пользовалась немалым уважением в мире заклинателей, в конечном счете она оставалась лишь учебным заведением без реальной власти. Чем прикрываться именем Чжу Есюя, гораздо полезнее было задействовать семейные связи.

Поместье Се отличалось лишь обычным достатком и процветанием, да и к тому же много лет находилось в зависимости от дворца Луаньюй, так что влияния ему не хватало. Семья Мо Чи занималась строительством обителей заклинателей — денег у них хватало, а вот положения в обществе не было совсем. Служить надежной опорой могли только клан Фэн из города Иньюэ и клан Ли из города Линьцзян.

— Я знаю только Цзинь Хуна, — сказал Фэн Цяньсюэ. Познакомился с ним он только вчера.

— А я даже Цзинь Хуна не знаю, я вообще никогда не бывал во дворце Луаньюй, — заметил Ли Хуань.

Се Жэнь обнял обоих за плечи и, без всякого подобия чинности повиснув между ними, объявил:

— Ну и решено! Отправимся к этому братцу!

Во дворце Луаньюй молодой господин Цзинь невольно ощутил, как по его спине пробежал холодок.

.....

Покинув город Чуньтаньчэн, они летели на мечях еще около часа, прежде чем добрались до дворца Луаньюй. Солнце к тому времени еще не полностью зашло, и его уходящие лучи падали на сияющие золотом стены и черепицу величественных палат. Ли Хуань зажмурился от слепящего блеска:

— Обоже, до чего же безвкусно! Они что, умеют строить здания только из золотых кирпичей?

— Кабы это и впрямь были золотые кирпичи, можно было бы украсть парочку и обменять у обычных смертных на вино, — сказал Се Жэнь. — Это иллюзия.

— Выходит, и скупые, и пыль в глаза пустить хотят, — Ли Хуань поправил одежду и головной убор. Он с детства рос среди утонченных орхидей в долине, привык к скромности и чистоте, поэтому нуворишеский дворец Луаньюй вызывал у него лишь отвращение; даже постучав в дверь, он не забыл подложить платок.

Мо Чи: «...»

Ученик, отворивший двери, узнав, кто перед ним, с глубочайшим почтением провел всех четверых в главный зал и поспешил известить своего молодого господина.

Цзинь Хун подумал, что ослышался:

— У них умы помрачились? Мало им было устроить переполох в городе Чуньтаньчэн, так они еще смеют заявляться ко мне домой с провокациями?

Цуй Ванчао поддержал:

— Лучше просто выгнать их вон.

— Глупости! — рявкнул находившийся рядом старец с козлиной бородкой. Это был дядя Цзинь Хуна, Цзинь Сянькэ. Хотя он не знал, какую еще беду этот паршивец накликал снаружи, но всегда терпеть не мог лебезение и подобиострастие Цуй Ванчао, считая, что его племянник отбил от рук именно из-за таких дурных друзей. Услышав же, что тот предлагает выставить за дверь молодых господ из кланов Фэн и Ли, он и вовсе пришел в неистовство. Сходу отвесив Цзинь Хуну пинка, он выгнал его в главный зал разбираться: — И не забудь извиниться перед ними!

Цзинь Хун чуть кровью не харкнул от обиды. Это ведь они гарцевали на железном тигре и размахивали мечами! За что мне-то извиняться?!

Цуй Ванчао после побоев Фэн Цяньсюэ получил психологическую травму, так что при одном взгляде на него у него заныло все тело.

Ли Хуань вежливо поклонился:

— Брат Цзинь, мы явились без приглашения и соизволили потревожить вас. — Затем он взглянул на человека за спиной Цзинь Хуна: — Не подскажете, кто этот почтенный?

Цуй Ванчао лишь холодно фыркнул, не соизволив ответить.

Фэн Цяньсюэ спокойно произнес:

— Его зовут Цуй Ланчао.

Цуй Ванчао в ярости воскликнул:

— Ты!..

— А что с ним? — Се Жэнь прикрыл Фэн Цяньсюэ эфесом своего меча. — Сам не желаешь отвечать, так не вини других, если ошиблись.

Фэн Цяньсюэ с недоумением спросил:

— Я ошибся? Цуй Ланчао.

На этот раз Цуй Ванчао от злости просто выскочил за дверь.

Цзинь Хун с мрачным видом спросил:

— Зачем вы пришли?

— В последнее время мы выслеживали одну призрачную марионетку в красном, от поселка Ути до города Чуньтаньчэн, — сказал Се Жэнь. — Однако прошлым вечером ее душа была развеяна талисманом Сюаньняо.

Цзинь Хун не стал отрицать:

— Это я ее убил.

Он ответил без колебаний, отчего остальные в комнате даже растерялись: думали, он попытается хотя бы как-то утаить правду, а он выложил всё с ходу.

Цзинь Хун под их пристальными взглядами почувствовал себя неловко:

— Вы совсем с ума сошли? Призрачную марионетку в красном может убить кто угодно. Явились ко мне из-за подобной ерунды — вы что, защищать ее собрались?

Се Жэнь спросил:

— Откуда ты узнал, что в горах была призрачная марионетка в красном?

Цзинь Хун недовольно огрызнулся:

— А тебе-то какое дело?

Се Жэнь посмотрел ему прямо в глаза:

— Недавно в поселке Ути произошла серия убийств, и виновницей была именно эта призрачная марионетка в красном. Она не только вырезала у людей золотые ядра, но и из всех сил скрывала свое происхождение. Мне это показалось подозрительным, поэтому я намеренно сохранил ей жизнь и наложил заклинание поиска следов, желая узнать, куда она намерена бежать. А ты взял и убил ее.

— Я откуда мог знать, что ты решил использовать ее как наживку? — недовольно буркнул Цзинь Хун. — Теперь она мертва, и что ты от меня хочешь?

Се Жэнь повторил вопрос:

— Так кто тебе сказал, что в горах находится призрачная марионетка в красном?

Вопрос был вовсе не из сложных, однако Цзинь Хун терпеть не мог Се Жэня и не собирался с ним сотрудничать. Он повернулся, намереваясь уйти, но Се Жэнь перегородил ему путь, наполовину обнажив клинок:

— Не скажешь — не обижайся, если сочту тебя ее сообщником!

— Дерзость! — Цзинь Хун лягнул его ногой и выхватил собственный меч. Оба с враждебными лицами направили клинки друг на друга. Ситуацию спас Ли Хуань, который выступил в роли миротворца и напомнил: — Брат Цзинь, если поселок Ути придет в запустение, единственный, кто окажется в выигрыше, — это дворец Луаньюй.

Цзинь Хун насупился:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ровно то, что ты услышал, — Се Жэнь вложил меч обратно в ножны. — Кому не известно, что твой клан давно мечтал прибрать к рукам поселок Ути? А тут эта подозрительная призрачная марионетка в красном после ранения не побежала ни на восток, ни на юг, а направилась прямо к городу Чуньтаньчэн, да еще и подвернулась под руку именно тебе. Кого мне еще расспрашивать, как не тебя?

— А-Хун, — двери зала внезапно распахнулись. — Ответь на вопрос господина Се. Зачем ты среди ночи отправился убивать призрачную марионетку в красном?

Вошедшим оказался именно Цзинь Сянькэ.

Изначально он опасался, что пылкие юноши сорвутся на ругань или драку, поэтому решил проследить за ними. Но едва ступил во двор, как услышал допрос Се Жэня. Будучи старым хитрым лисом, он прекрасно понимал, какие слухи поползут о дворце Луаньюй, если история выплывет наружу. Спустить всё на тормозах было нельзя — требовалось вмешаться.

Цзинь Хун убрал меч и недовольно мотнул подбородком наружу:

— Это он мне сказал.

Все уставились в указанном направлении.

Фэн Цяньсюэ произнес:

— Цуй Ланчао.

Цуй Ванчао: «...»

Цзинь Сянькэ хмуро спросил:

— Откуда у тебя эти сведения?

Цуй Ванчао и сам не понял, каким образом внимание переключилось на него. Поколебавшись какое-то время, он выдавил:

— Я... я специально отправил людей за город на поиски! Не только призрачную марионетку в красном, но и ходячих мертвецов искали... Столько сил потратили! Брат Цзинь ведь только что

получил меч Мецзун, ему нужно было тренироваться.

Се Жэнь заметил:

— Однако эта призрачная марионетка в красном погибла от талисмана Сюаньняо, а не была срублена мечом.

Цуй Ванчао замялся:

— Это... ну... я...

Видя его мнительность и то, как он беспрестанно косится на его племянника, Цзинь Сянькэ снова вспыхнул от гнева и рявкнул:

— Говори правду!

Цуй Ванчао от испуга затрепетал.

Цзинь Хун раздраженно выпалил:

— Да потому что я не мог удержать в руках Мецзун! Не упускать же из-за этого марионетку!

В комнате воцарилась тишина.

Завладеть Мецзуном, одним из четырех божественных мечей Наньшань, и не суметь с ним совладать — какой позор!

Цзинь Сянькэ и помыслить не мог о подобном исходе; от такого конфуза он аж задохнулся и долго не мог подобрать слов.

Мо Чи украдкой переглянулся с остальными троими: «Эй, и что нам теперь делать?»

Фэн Цяньсюэ проговорил:

— Если бы молодой господин Цзинь действительно был связан с призрачной марионеткой в красном, ему и вправду незачем было бы оставлять следы с помощью талисмана Сюаньняо.

Не скажи он этого, было бы лучше — услышав эти слова, Цзинь Хун еще пуще распалился: «Так какого черта вы вообще приперлись?!»

Фэн Цяньсюэ продолжал:

— Однако на данный момент все подозрения так или иначе указывают на дворец Луаньюй.

Цзинь Сянькэ осторожно поинтересовался:

— Позвольте узнать, к какому роду принадлежит этот юный господин?

Фэн Цяньсюэ поклонился:

— Я — Фэн Цяньсюэ из клана Фэн из города Иньюэ.